

**Конференция к 105-летию юридического факультета
Воронежского государственного университета
«Юридические науки и вызовы современности:
отечественные и сравнительно-правовые исследования»
г. Воронеж
16–17 ноября 2023 г.**

**Выступление
«ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОММЕРЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ
ЗА ПРАВОМЕРНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ
В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ»**

**Монастырский Юрий Эдуардович
д.ю.н., профессор кафедры гражданского права и процесса
Юридического института СевГУ,
кафедры международного частного и гражданского права МГИМО**

Уважаемые участники и организаторы этого замечательного мероприятия, приуроченного к 105-летию Юридического факультета Воронежского государственного университета, расположенного в городе, который буквально прославил Россию своими великими талантами!

Для нас большая честь участвовать, убедиться в высоком уровне преподавания юриспруденции, судя по докладам, обсуждению. Тема моего выступления прозвучала. Обратите внимание, она проблемна, поскольку в ней обозначена ответственность за правомерные действия, и обычно у юристов не может не возникнуть смыслового диссонанса. Между тем, я попробую раскрыть, что эта проблема существует, она фундаментальная, как и фундаментален сам институт представительства.

Без представительства нет гражданского права. Экономической подоплекой, как мы все знаем, поручения, комиссии и пр. является возможность юридической личности или субъекта оборота действовать одновременно в разных местах и на большом расстоянии. И поэтому этот институт зародился в римском праве, и в древнейших, так сказать, памятниках мы находим его следы.

В нашей стране представительство регулируется последовательно, системно. Мое выступление вовсе не будет таким критическим, как у Ольги Александровны, я скажу, что представительство работает, оно усложняется. Но есть крупный недосмотр в его регулировании. И, обратившись к залу, можно задать вопрос: «Какой?». Нормы определяют какие в основном полномочия представителей? По совершению юридических действий. Юридических! А современная эпоха коммуникаций позволяет,

во-первых, совершать их на расстоянии – это, во-первых. Во-вторых, институт юридического лица имеет возможность немножко потеснить представителя на его поле деятельности. Но работники организационно подчинены. Агенты, коммивояжеры, брокеры изначально – нет. Так вот, статус, по мнению практикующих юристов, должен быть расширен в сторону совершения как раз значимых фактических актов. И вы сами знаете практику, к примеру совершения доверенностей. Там в основном уполномочивание на произведение исполнения. А это совершение неюридических действий.

Далее, вы обратите внимание, есть договорные формы, заявленные в ГК РФ, которые относятся напрямую к представительству – это поручение, комиссия и агентирование. Вы можете убедиться, что сутью договора поручения у нас – до сих пор совершение сделок от имени доверителя и все, а это же очень неполная, так сказать, модель и заявка на регулирование.

И другой любопытный момент, который как раз и относится к теме моего выступления, он заключается в том, что в ст. 978 п. 3 сказано, что вообще договор поручения как фидуциарная сделка может быть прервана той или другой стороной, что логично, потому что принципалу уже не нужны услуги, он может работать одновременно с многими уполномоченными и т. д. Так вот, сказано, что отказ от исполнения поручения коммерческого доверителя влечет возмещение доверителю не ничего-нибудь, а убытков. То есть, обратите внимание, правомерное разрешенное поведение, о котором все знают, может повлечь ничто иное, а ответственность представителя в виде огромных сумм.

Хочу напомнить подготовленной аудитории, что у нас концепт убытков сейчас более универсален. Раньше их составными частями являлись ущерб и упущенная выгода. По новой парадигме – еще и будущие или произведенные расходы за восстановление права. Имущественных потерь вообще может не быть, но если происходит умаление личного права, тогда можно требовать любые убытки. Пример: при ущербе репутации никаких уменьшений имущества нет, но есть право взыскать громадные убытки, которые могут состоять в том, что, например, известное лицо должно будет публиковать что-то в каких-то очень известных изданиях или оплачивать контрклиевтическую компанию. К такой ответственности присуждается уполномоченный.

Для сравнения: родственная договорная модель комиссии предусматривает так же в ряде случаев выход исполнителя из договора, но комиссионер имеет право лишь на выплату вознаграждений и компенсацию ему расходов, а об убытках ничего в данном случае не говорится. Какое объяснение этому можно привести?

Дело в том, что в Российской империи начал действовать Свод законов в 1835 г. с особым регулированием договоров. Свобода договора была настолько полной, что возможность принудительного его исполнения отсутствовала. Она даже запрещалась вплоть до 1917 г. В тогдашнем русском праве любой участник договора мог отказаться от принятия имущественного предоставления, при этом договор прекращался, то есть не действовал принцип *pacta sunt servanda*, последствием могло быть возмещение убытков. Такая модель соответствовала обороту, когда операции совершались медленно и много обдумывались, не было такой исполнительской динамики, средств связи, коммуникаций, необходимой жесткости каркаса договорных отношений и доминировал принцип, принимаемый абсолютно, свободы распоряжения своим правом.

Уже в первом издании Свода законов появилась статья о договоре-доверенности, и в ней впервые поверенный должен был возместить убытки, если прибегал к выходу из отношений. Дальше эта статья перекечовала в Гражданский кодекс (ст. 260) 1922 г., ст. 401 Кодекса 1964 г. Такое регулирование абсолютно сохранилось в Кодексе, настоящем, действующем, первая часть которого была принята в 1994 г., а вторая – в 2006 г. Какой можно сделать вывод? Вот эта преемственность, когда за дозволенные действия положены убытки, имела результатом сходные законодательные решения, коих в ГК РФ уже почти 20. Возмещение убытков предусмотрено для отзыва автора своего произведения, прекращения договора подряда, выхода из наследственного договора, замены коммерческого обозначения и т. д., и т. п. Полная ответственность за точно указанные разрешенные действия является важной чертой российского гражданского права, которая в тех или иных вариациях повторяется лишь в странах СНГ и все. Даже в Китайской Народной Республике, которая копировала идеи кодексов в СССР, эта норма звучит по-другому, не говоря уже о европейском регулировании.

Однако *de lege ferenda* не хватает пунктов по этому поводу в базовой статье об убытках. (ст. 15 ГК РФ).

Так вот, уважаемые присутствующие, этот случай напоминает нам о таком качестве гражданского права как стабильность идей, однажды высказанных позиций, и очень крупной такой черте как национальность гражданского права. Мысли, высказанные давно, закрепленные в других формациях, при других кодексах, все-таки пробивают себе дорогу и обрастают практикой. Несмотря на то, что данная отрасль больше всего выражает историю государства, сплетена с ней, напрямую связана и отражает развитие хозяйственного уклада и изменения общественно-политических формаций, иногда некоторые цивилистические подходы остаются прежними даже при фундаментальном изменении гражданского права. А в нашей истории мы знаем, что право целиком подвергалось два раза кардинальному реформированию: в начале 20-х

годов прошлого века и в 90-х годах, а также в начале нынешнего. Причем это по сути пересоздание носило не эволюционный характер, а основывалось на отрицании прежней правовой системы ее институтов, о чем легко судить, припоминая, что принцип свободы договора у нас вернулся только с принятием в 1991 г. Основ гражданского законодательства Союза и Союзных республик, предназначенных для регулирования рыночных отношений в экономике, как и полная имущественная ответственность. Был переосмыслен институт предприятия и т. д., и т. п. Наше гражданское право дважды, по сути, полностью обновлялось. Так вот, несмотря на это, необходимо заметить, что остается устойчивостью к однажды высказанным и авторитетно поддержанным точкам зрения, суждений, позиций.

Я хочу адресовать Вас к известной статье ГК РФ 398, где сказано, что не передающий вещь должник по договору аренды, купли-продажи, найма может быть присужден к отобранию вещи. Отобрание вещи – это что такое? Кто-то из нас имеет большую практику, кто-то – меньше – никто никогда не сталкивался с таким исками. Потому что это бесполезное требование, поскольку у нас есть привычное судам и т. д. исполнение обязательства в натуре.

Откуда же берется отобрание вещи? Отобрание вещи берется из Российской империи, когда при Своде законов действовала вообще другая концепция. Однако норма прошла через все кодексы и оказалась в современном. Опять-таки из-за полной свободы договора и подчеркнутой невозможности по суду заставить исполнить обязательства. Можно было только присудить к отобранию – вот эта норма только оказалась там. Восполнение имущественных перекосов осуществлялось за счет института убытков. Наше гражданское право совершило два крупных вообще зигзага в своем движении: два раза на революционных основаниях гражданское право переписывалось. У нас третье гражданское право, потому что Свод законов Российской империи – это была система регулирования, она вызревала 10-летиями, но в 1922 г. она полностью была отвергнута, возник, например, приоритет выполнения обязательств в натуре и субсидиарность института убытков.

Так вот и эта норма, которая говорит о почему-то очень существенной ответственности поверенного. Он, следуя полной свободе договора, мог выйти из отношений, ст. 1547 Свода законов Российской империи, т. X. И вы можете сами убедиться, потому что проверял я, когда готовился, вот эта статья о такой безмерной ответственности представителя у нас появляется в 206 статье Кодекса 1922 г., а потом статья 401 Кодекса РСФСР 1964 года, и наконец в статье 978 Кодекса современного, действующего. Вот такой подход, когда за правомерные действия лицо несет полную ответственность, он распространился у нас незаметно по всему ГК.

И эта черта нашего гражданского права, которое очень рациональная отрасль права, взаимодействует, во-первых, с языком, потому что оно задействует терминологию, которая наращивает свой смысл и регулирование.

В гражданском праве невозможно заимствовать чужие нормы из других правопорядков, потому что они сразу начинают работать диссонансом, мы это проходили в 90-х. В гражданском праве можно заимствовать только идеи. Например, замысел «Белоснежки и семи гномов» нельзя полностью переписать, и у нас должна быть «Мертвая царевна и 7 богатырей». Идея одна и та же, но она должна иметь национальное исполнение. Таким образом, мы видим, что есть такая специфика в положении поверенного, что объясняется историей, и мы имеем матрицу, которой нет в иностранных законодательствах. В других правопорядках есть деликтная ответственность за правомерные действия, ну, например, при крайней необходимости. Действие правомерное, но кто его совершает, может присуждаться к убыткам. И, конечно, *de lege ferenda* хочется порекомендовать в статье 15, дать дополнение к тому, что мы имеем в 1064-й ГК РФ, что в случаях, строго предусмотренных законом, убытки взыскиваются за правомерные действия. Спасибо за внимание!

Ведущий: вопросы, может быть, какие дополнительные?

Из зала: вот у меня вопрос: возможно ли, Юрий Эдуардович, как Вам кажется, страхование такой ответственности?

– Страхование ответственности возможно. На этом, кстати, и основано разрастание, приращение страхования. Но важно, кто страхует. Не может страховать сам актер, а все остальные – вполне, это в пользу оборота, почему нет?

Из зала: хотела уточнить, правильно ли я поняла, что мотив выступления всё-таки негативная оценка существующих норм о такой повышенной ответственности и убытков представителя?

– Нет, наоборот, подчеркивается национальность нашего права, вот такого его уникального подхода. Мы знаем об ответственности, если мы что-то нарушаем, правильно? Запрещено нарушать договор, а здесь есть отдельный выписанный случай, когда допускается не исполнять, другая сторона тоже знает об этом, что условием, ввиду той, возмещение убытков. Откуда это идет? Дело в том, что мы все привыкли к тому, что на каких-то начальных этапах развития нашего гражданского права мы копировали немецкую теорию, отсюда величие университета г. Юрьева, который пришел сюда в Воронеж со своими талантами и дал реинкарнацию вашим одаренностям. У немцев – фундаментальная идея гражданского права, была свобода действий до тех пор, по И. Канту, пока не страдают права других. Отсюда у них запрет шиканы – злоупотребления правом, а мы взяли и оттолкнулись от этого тезиса и утвердили другой – свобода действия в пределах своего права. Он же важная

декларация-норма в Проекте гражданского уложения. И вот представьте, кто-то два и более действуют в пределах своего права и сталкиваются так или иначе. Так вот задача законодателей эти случаи выявить и регулировать их возмещением.

Из зала: у Вас умные идеи!

Из зала: ... я хочу понять, никаких убытков не возмещается, исключительно только для коммерческого представителя. И, может быть, это объясняется как раз очень специфическим статусом коммерческого представителя, профессионального участника, нанимателя, для которого везде в нормах ГК, во многих институтах прослеживаются довольно жесткие варианты регулирования и жесткая ответственность?

– Конечно, поскольку он зарабатывает. Да, именно для него.

Из зала: ... с теми, кстати, положениями мы в принципе согласны. ... Нужно было бы считать, что нужно уточнить норму об убытках?

– У меня конкретно высказанные рекомендации. Сказать, что у нас в гражданском праве историческими путями прошел прием не только в сфере деликтов, но и применительно к договорам о том, что за правомерные действия тот, кто их совершает, может нести ответственность, если это прямо записано. Но не хватает дальнейших пунктов в ст. 15 ГК РФ, я сейчас рассказываю тезисы своей диссертации, и я тут уверен абсолютно. В этом смысле нужно дорегулировать то, что уже есть, но это неплохо. И в этом национальная черта нашего гражданского права.